

Зарин Андрей Ефимович

Человеческие отношения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Человеческие отношения / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
282 с.

ISBN 978-5-519-85712-3

ISBN 978-5-519-85712-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Задолжалъ здѣсь рублей 300. Чтобы переѣхать, надо заплатить въ городѣ за квартиру рублей 100, да выкупить обстановку, что составляетъ еще 300. Итого 700,—помимо ежедневныхъ расходовъ, помимо траты на переѣздъ и водвореніе!.

А сейчасъ только мелкія полочки въ 30—50 рублей, и всё надежды на случай или заемъ, что тоже случай.

Середина сентября; всё уже въ городѣ съѣхались, а онъ еще съ семьей тутъ. Дачниковъ—чуть ли не они одни, и при встрѣчахъ съ земскимъ врачомъ, исправникомъ, головою, предсѣдателемъ управы—чувствуется уже неловкость...

Яковъ Петровичъ криво усмѣхнулся.

Приходится врать и врать.

«Нанялъ квартиру, но жена находитъ ее неудобной и ищетъ другую», говорилъ онъ сначала, а чрезъ двѣ недѣли сталъ объяснять: «Нанялъ другую—и ее теперь отдѣлываютъ заново».

Прислуга, видимо, недовольна: кругомъ всё косятся; жена какъ убитая.

Молодая женщина поставила передъ Яковымъ Петровичемъ столъ, покрыла его скатертью, принесла хлѣбъ, молоко, масло и яйца, ушла въ избу, вернулась съ самоваромъ; а Яковъ Петровичъ, смотря на пеструю окраску лѣса, на спокойное озеро, въ которомъ отражалось синее, холодное небо, и продолжалъ размышлять о своемъ положеніи.

Пріѣзжая въ Петербургъ, негдѣ даже остановиться; знакомые спрашиваютъ новый адресъ, и опять надо врать по-иному:

«Доктора велѣли пожить на дачѣ подольше»; или: «Рѣшили купить дачу и теперь приторговываются»; или: «Ремонтируютъ квартиру».

Всѣмъ по разному и, того гляди, собьешься. А жена! Онъ хоть ѣздитъ въ Петербургъ, суетится, хлопочетъ и знаетъ, что будетъ и что можетъ быть. А она..... сидитъ безвыходно, ничего не зная... Хозяинъ, лавочники, прислуга—всѣ обращаются къ ней, и она... вретъ, вретъ и вретъ.....

Яковъ Петровичъ окончательно испортилъ настроеніе духа и, уже не замѣчая природы, углубился въ свои безотрадныя думы.

Есть ли несчастіе его люди? И ему становилось жалко и себя, и жену, и дѣтей.....

— Не обезпокою?—вдругъ раздался подлѣ него голосъ.

Онъ поднялъ голову и увидѣлъ предъ собою пожилого, бритаго, худощаваго человѣка съ палкою на плечѣ, на которой висѣла корзина. Онъ стоялъ, приподнявъ шляпу, въ ожиданіи отвѣта, и его жидкіе, сѣдые волосы слегка колебались отъ легкаго вѣтра. Рыжіе сапоги въ заплатахъ и старая, помятая шляпа, сѣрые брюки съ бахромками внизу и вздутыя на колѣнкахъ, затрепанный пиджакъ табачнаго цвѣта и грязный, синій платокъ на тонкой шеѣ безмолвно свидѣтельствовали о бѣдности ихъ владѣльца.

Яковъ Петровичъ увидѣлъ робкій взглядъ, заискивающую улыбку, и, указывая подлѣ себя мѣсто, поспѣшилъ отвѣтить:

— Милости просимъ!

Подошедшій опустилъ корзинку на землю, бросилъ палку и, присѣвъ на скамью, тотчасъ закурилъ дешевую папиросу и заговорилъ:

— Ухъ! утомился! Съ четырехъ часовъ брожу и все наклонившись! вотъ сколько набралъ!—Онъ указалъ на корзинку и снова прибавилъ: —зато и измучился!

— И отлично!—отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.— Закусите и отдохните!

— Хе-хе!—оживился подошедшій,—да у васъ тутъ въ нѣкоторомъ родѣ пиршество! Позвольте?

— Сдѣлайте одолженіе!—радушно повторилъ Яковъ Петровичъ.

Тотъ быстро бросилъ папироску, придвинулъ къ себѣ яйца и масло и началъ торопливо и съ увлеченіемъ ѣсть, изрѣдка произнося отрывочныя фразы.

— Пріятная вещь—завтракъ на свѣжемъ воздухѣ!.. ужасно люблю яйца всмятку!.. Вотъ масло! ужъ безъ всякой фальсификаціи!..

Яковъ Петровичъ, улыбаясь, кивалъ ему вмѣсто репликъ и, когда тотъ, насытившись, отодвинулъ тарелку, онъ налилъ два стакана чая и предложилъ гостю свою папироску.

— А я васъ знаю-съ! Имѣю честь говорить съ господиномъ Нестроевымъ?

— Совершенно вѣрно. Откуда вы меня знаете?

— Помилуйте! кого я здѣсь не знаю! А съ вами мы въ нѣкоторомъ родѣ сосѣди. Вы изволите жить на дачѣ Малѣева, а я тутъ же, напротивъ.

— А съ кѣмъ я имѣю удовольствіе?

— Актеръ Чаровъ,—можетъ, видѣли? По сценѣ Чаровъ, а въ жизни Степанъ Степановичъ Тешкинъ.

Яковъ Петровичъ вспомнилъ актера Чарова, но не могъ вспомнить ни пьесы, которую онъ видѣлъ въ крошечномъ лѣтнемъ театрѣ, ни роли, въ которой видѣлъ этого Чарова. Все же онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Какъ же, какъ же!

Его собесѣдникъ оживился. Лицо его просвѣтлѣло, и онъ съ пафосомъ произнесъ:

— Тридцать три года на сценѣ! Въ свое время гремѣлъ въ Петербургѣ! Игралъ съ Савиной, Марьей Гавриловной, съ Давыдовымъ, Писаревымъ, въ Аркадіи режиссеромъ былъ; а тамъ... лишился мѣста, погорѣлъ и, все прахомъ!..—Онъ вздохнулъ и театральнo поцѣлъ головою.

— Гдѣ же вы въ этомъ сезонѣ?

Чаровъ развелъ руками.

— Нигдѣ! здѣсь, въ этой ямѣ! въ нѣкоторомъ родѣ заживо погребенный... у меня, господинъ Нестровъ... простите: имя, отчество?

— Яковъ Петровичъ...

— У меня, Яковъ Петровичъ, семья: жена и шестеро дѣтей! Шестеро!—Онъ поднялъ руку кверху и, словно вызывая къ небу, прибавилъ:—и всѣ ѣсть хотятъ.

Яковъ Петровичъ сочувственно покачалъ головой и налилъ ему и себѣ по второму стакану чая.

— Благодарю,—сказалъ Чаровъ и, внезапно смолкнувъ, сталъ пить чай.

Яковъ Петровичъ не прерывалъ наступившаго молчанія. Встрѣча съ болѣе несчастнымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ, какъ бы успокоила его и ободрила. Грустные размышленія отошли прочь, и онъ безмолвно наслаждался и разноцвѣтной листвою деревьевъ, и синимъ небомъ, и грустью, разлитой въ осенней природѣ.

— Ну-съ, глубоко вамъ благодарень!—произнесъ Чаровъ, отодвигая пустой стаканъ.

— Не за что...—отвѣтилъ Яковъ Петровичъ и, подозвавъ стоявшую на порогѣ избы хозяйку, сталъ расплачиваться съ нею.

— Грибы тоже ищите?—спросилъ онъ Чарова, пряча портмонэ въ карманъ.

— Тоже, да не тоже. Съ разными цѣлями...—тяжело вздохнувъ, отвѣтилъ тотъ.

— То-есть?

— Очень просто. Вы для моціона, для наслажденія природой, въ нѣ-которомъ родѣ, для развлеченія; а я-съ—для прокормленія семьи... Наберу это грибовъ, и всѣ мы ими питаемся. Которые сваримъ, которые сжаримъ, которые посолимъ... если на соль деньги будутъ,—прибавилъ онъ, криво усмѣхнувшись.—Я-съ волнушекъ уже двѣ кадочки насолилъ. На зиму! такъ то-съ!

Якову Петровичу стало неловко. Онъ молча взялъ свою корзинку. Чаровъ тоже быстро поднялся, сказавъ:

— Я съ вами...

И они пошли вмѣстѣ.

II.

Сойдя съ пригорка, они вышли на узкую проѣзжую дорогу. По сторонамъ ея тянулся сосновый боръ. Чаровъ шелъ у самой опушки, нагнувшись и трогая палкой каждую подозрительную кочку. Яковъ Петровичъ тоже посматривалъ подъ деревья.

— Пріятнѣйшее занятіе!—заговорилъ громко Чаровъ.—Идешь и вдругъ...—и при этомъ онъ, дѣйствительно, вдругъ метнулся въ сторону, опустился на колѣна и закричалъ:

— Идите сюда! смотрите! цѣлая розсыпь! и всѣ какъ на под-боръ!..

Яковъ Петровичъ подошелъ къ нему и подлѣ полусгнившаго пня увидѣлъ три коренныхъ бѣлыхъ гриба. Чаровъ любовно снималъ ихъ, говоря.

— Ищите здѣсь, подлѣ, вокругъ... Онъ всегда растетъ компаніей...

Яковъ Петровичъ сталъ внимательно оглядываться вокругъ.

Дѣйствительно, неподалеку онъ увидѣлъ огрсмный боровикъ, а тамъ еще и еще...

Онъ нагнулся и сталъ ихъ брать, запуская пальцы глубоко въ землю и вынимая грибы съ корнемъ.

— А здѣсь?!.—воскликнулъ Чаровъ, и фигура его мелькнула мимо Якова Петровича.

— Посмотрите, какой я нашелъ!—въ свою очередь закричалъ Яковъ Петровичъ.

И, переходя съ мѣста на мѣсто, обмѣниваясь впечатлѣніями, они продолжали поиски.

Наконецъ, утомленные, они сѣли подъ высокою сосною.

Чаровъ высыпалъ на землю свои грибы и сталъ пересматривать ихъ, сортируя и ловко обрѣзая ножомъ корешки.

Яковъ Петровичъ прислонился къ соснѣ и съ чувствомъ наслажденія закурилъ папироску.

— Вотъ и обѣдъ!—дѣлanno веселымъ тономъ воскликнулъ Чаровъ, бросивъ послѣдній грибъ въ корзину и складывая ножъ.

Яковъ Петровичъ нервно вздрогнулъ, и его настроеніе опять пропало.

— Ужъ и обѣдъ!—сказалъ онъ.

— Въ буквaльномъ смыслѣ...—подтвердилъ Чаровъ.—Да иначе и быть не можетъ, уважаемый! Пока былъ здѣсь театръ, я игралъ, 30 рублей въ мѣсяцъ имѣлъ; кончился сезонъ—стопъ! Занятій нѣтъ, уѣхать не въ состояніи.... А въ этой дырѣ что можно сдѣлать? Такъ и погибнешь.

Якову Петровичу стало тяжело отъ этого признанія, и онъ почувствовалъ состраданіе къ этому человѣку, худому, длинному, съ тонкой шеей, обмотанной синимъ платкомъ.

— Богъ не безъ милости,—попробовалъ онъ ободрить Чарова;—можетъ и работа найдется, и мѣсто...

— Здѣсь?—съ возмущеніемъ произнесъ Чаровъ.—Да здѣсь вы можете съ голоду умереть, вамъ никто двугривеннаго не дастъ. Здѣсь... Здѣсь люди все о себѣ только думаютъ, съ черствымъ, непреклоннымъ сердцемъ, скоты жадные. О, я-то ихъ знаю! Я пережилъ здѣсь прошлую и позапрошлую зимы. Раньше у меня тутъ въ депо мѣсто было; поссорился съ начальникомъ и потерялъ его. За безпокойнаго прослылъ и пошло! Пролую зиму едва-едва съ голоду не померли.

— Чѣмъ же вы жили?

— А можно сказать ничѣмъ. Иногда случится, жену позовутъ пошить что нибудь, у больной посидѣть, покойника обмытъ.... Мнѣ,

ненарокомъ случится, какую нибудь бумагу переписать дадутъ. Такъ это такъ только, случай, а остальное время безъ всего. Да, тяжело... Теперь вотъ грибами питаемся, даже хлѣба купить не на что.... Съ младшимъ вчера рвота была, жаръ; а что подѣлаешь?—Его лицо все сморщилось, словно онъ собирался заплакать.

Якову Петровичу стало невыносимо жалко его. Что значать его неудачи въ сравненіи съ положеніемъ этого горемыки?..

— Ну, пойдете!—прервалъ молчаніе Чаровъ.—Меня съ обѣдомъ-то ждутъ, а я напился, наѣлся, да еще разсуживаюсь.

Онъ тяжело всталъ съ земли, опираясь на палку, и поднялъ корзину... Яковъ Петровичъ всталъ тоже и они вышли на дорогу. Чаровъ шагаль, постукивая по землѣ палкой, и продолжалъ рассказывать про свое положеніе. Онъ не жаловался, а какъ бы отводилъ душу, найдя сочувствующаго слушателя.

— Теперь, вотъ хоть грибы есть, а тамъ, что дальше будетъ, и думать страшно... Снѣгъ завалить всю улицу, такъ что и не выйдешь... кругомъ всѣ, словно враги; ни продать, ни заложить нечего... Лягъ и умри... Въ прошломъ году случилось... Дѣти ѣсть просятъ, дома ни копѣйки; думаю, пойду, гдѣ-нибудь выпрошу... Вышелъ я изъ дому; снѣгъ по колѣна. Зашелъ въ лавочку: «Дайте, Христа ради!»... Смѣются... Пошелъ по людямъ... Одного дома нѣтъ, другой спитъ, третій принять не хочетъ. Выхожу, иззябъ, вернулся домой ни съ чѣмъ; а дѣти плачутъ, ѣсть хотятъ. Я говорю женѣ: «Мамочка, поищи чего-нибудь!» А у ней на кухнѣ, въ горшкѣ, корки отъ хлѣба были набросаны, для гущи, чтобы самоваръ чистить. Вотъ она вынула ихъ, ополоснула и дала дѣтямъ съ водою. Такъ-съ... А иной разъ и этой пищи нѣтъ...

Они дошли до опушки лѣса, и за опушкой открылась широкая улица съ двумя рядами деревянныхъ домовъ.

— Ну-съ, имѣю честь кланяться!—сказалъ Чаровъ:—я тутъ, по опушкѣ, съ задовъ мнѣ ближе.

— Вы знаете, гдѣ я живу; заходите къ намъ къ обѣду, къ чаю. Можетъ быть, я удумаю, какъ вамъ помочь.

— Сочту за честь...—отвѣтилъ Чаровъ, приподнимая шляпу, и зашагалъ вдоль опушки.

Яковъ Петровичъ пошелъ къ улицѣ, гдѣ съ краю стояла его дача:

большой деревянный домъ, съ мезониномъ, съ верандою внизу и широкимъ балкономъ наверху.

Въ одно время съ нимъ къ дачѣ подъѣхала его жена, возвращаясь съ базара. Кухарка и горничная снимали съ пролетки купленную провизию. Дѣвочка семи лѣтъ и мальчикъ четырехъ весело прыгали подлѣ прислуги, но увидѣвъ отца съ крикомъ радости понеслись къ нему навстрѣчу. Яковъ Петровичъ вспомнилъ въ этотъ мигъ рассказъ Чарова и ему стало совѣстно.

III.

Онъ передалъ корзинку съ грибами дочери, взялъ мальчугана на руки и подошелъ къ калиткѣ, у которой ждала его жена, уже расплатившаяся съ извозчикомъ.

— Много набралъ?—спросила она его весело. Ея молодое, полное лицо было оживленно. Большіе черные глаза смотрѣли весело, губы улыбались. Полная, высокая, въ модномъ драповомъ пальто безъ талии, она была красива и нарядна.

Яковъ Петровичъ кивнулъ ей и показалъ на корзинку.

— Полна!..

— А я тоже грибовъ купила,—сказала она.—На базарѣ ужасно много и дешево. Думаю намариновать. Когда еще такой случай повторится?..

— Чтобы такъ засидѣться на дачѣ...—съ улыбкой окончилъ Нестроевъ.

Она улыбнулась тоже. Очевидно, она была въ хорошемъ настроеніи, потому что обыкновенно при такой фразѣ лицо ея принимало грустное выраженіе и глаза наполнялись слезами.

— Бѣсть хочешь?

— Не очень. Я закусилъ у чухонъ.

— А я такъ ужасно!—И она пошла въ калитку.

Нестроевъ съ дѣтьми прошелъ за нею. Черезъ крошечный полисадникъ они вошли въ свою дачу, состоящую изъ трехъ просторныхъ комнатъ, коридора и кухни.

Горничная суетливо накрывала на столъ, приготовляя завтракъ. Нестроевъ прошелъ въ спальню, надѣлъ туфли и вышелъ въ комнату, гдѣ хлопотала горничная.

Эта комната служила и гостиной, и столовой, и кабинетомъ.

Лѣтомъ, когда было жарко и большая часть времени проходила на воздухѣ, дача казалась помѣстительной; но теперь, когда дѣти толкались въ комнатахъ, когда и завтракъ, и обѣдъ, и чай подавались уже не на балконѣ, Яковъ Петровичъ чувствовалъ огромное стѣсненіе и съ трудомъ могъ заниматься у своего письменнаго стола.

Онъ сѣлъ къ окошку и взглянулъ на противоположную сторону улицы. На углу стоялъ домъ съ мезониномъ, и Яковъ Петровичъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что окна его закрыты ставнями.

— Развѣ уѣхали?—спросилъ онъ горничную.

— Вчерась...—отвѣтила она.

Ему стало непріятно. Тамъ жилъ какой-то чахоточный чиновникъ съ женою и дѣтьми. Яковъ Петровичъ привыкъ видѣть каждый день играющихъ на улицѣ дѣтей, молодую женщину у окошка и болѣзненнаго, худого, какъ щепка, человѣка, который въ солнечные дни выходилъ сидѣть у воротъ дома.

А теперь уѣхали и они, и остался на этой улицѣ только онъ съ семейю.

А горничная продолжала говорить:

— Уѣхали, а собаку бросили, какъ есть на голодъ. Аранкой звать. Она у насъ курицу да цыпленка задушила.

— Садись къ столу! Я зажарила грибы...—сказала входя Марья Павловна.—Глаша, подавай!

Они стали завтракать, и Марья Павловна весело передавала сплетни маленькаго городка.

— Ты слыхала что-нибудь про Чарова?—спросилъ ее Яковъ Петровичъ, когда она окончила.

Она приподняла голову.

— Чаровъ? Чаровъ?—повторила она.—Это былъ, кажется, тутъ актеръ.

— Я его сегодня встрѣтилъ въ лѣсу; ходилъ съ нимъ вмѣстѣ, и знаешь ли...—Яковъ Петровичъ рассказалъ все, что слышалъ отъ Чарова.

Марья Павловна взволновалась.

— Ахъ, бѣдныя!—воскликнула она.—Я схожу къ нимъ, Яша, и снесу имъ провизіи. Они не обидятся?

— Думаю, нѣтъ!

— Я сейчасъ же послѣ завтрака!..

Яковъ Петровичъ повеселѣлъ. Пріятно сдѣлать доброе дѣло.

— Сходи!—сказалъ онъ,—и позови ихъ къ намъ, чѣмъ можемъ помочь—поможемъ.

— Непремѣнно!

Послѣ завтрака Марья Павловна, нагрузивъ корзинку провизіей, пошла отыскивать Чаровыхъ.

Она вернулась домой почти къ обѣду, совершенно разстроенная всѣмъ видѣннымъ.

— Ахъ, Яша!—заговорила она, едва вошла въ комнату,—если бы ты видѣлъ, что это за бѣдность! Въ одной комнатѣ и кухнѣ онъ, она и шестеро ребятишекъ. Мебели почти нѣтъ, холодно...

И она начала передавать свои впечатлѣнія.

Авдотья Федоровна, жена этого Чарова, блѣдная, худая, совершенно испитая женщина. Дѣти почти всѣ босые. Она варила грибы, а младшія дѣти плакали отъ голода.

— Право, такъ! А когда я отдала имъ корзинку, старшія запрыгали отъ радости, а сама мнѣ потомъ сказала, что они три недѣли не видѣли уже мяса. Ахъ, Яша, какъ это ужасно! Я звала ихъ къ намъ обѣдать, съ дѣтьми. Дѣти будутъ ходить по очереди, потому что не у всѣхъ сапоги; а онъ самъ придетъ вечеромъ. Тамъ есть дѣвочка, Катюша, совсѣмъ какъ наша Маня,—только блѣдная-блѣдная, какъ изъ воска... И ко всему еще годовалый! Это прямо ужасно!..

Вечеромъ Чаровъ пришелъ къ нимъ, пилъ у нихъ чай и рассказывалъ исторію своей жизни.

Сцена—его призваніе. Ради сцены онъ бросилъ учиться и изъ 5-го класса поступилъ въ труппу, сперва суфлеромъ, потомъ помощникомъ режиссера, потомъ уже артистомъ. 33 года съ малыми перерывами онъ дышалъ воздухомъ уборныхъ, кулисъ и театрального фойе. Въ Ригѣ онъ встрѣтился съ Авдотьей Федоровной. Тогда онъ игралъ фатовъ. Она влюбилась въ него, и они поженились. Дѣти у нихъ стали рождаться, какъ грибы. 14 человекъ! Изъ нихъ восемь умерло.

И Чаровъ перекрестился.

Были хорошія и плохія времена. Публика его любила. Онъ

игралъ фатовъ, потомъ комиковъ и простаковъ, а также характерныя роли.

Когда въ Аркадію его пригласили режиссеромъ, это было лучшее время: 150 руб. жалованья, квартира и положеніе, въ нѣкоторомъ родѣ, генеральское. Только жена его поссорилась съ ingenuе. Та стала интриговать, и еще до конца сезона онъ долженъ былъ уйти изъ Аркадіи. Съ той поры и началось.

Они переѣхали на дачу въ Новой деревнѣ и ровно черезъ недѣлю погорѣли. Сгорѣло все. Они едва спаслись въ одномъ бѣльѣ. Начались бѣдствія. Онъ усталъ, ослабъ, пропустилъ сроки и остался безъ ангажемента. Знакомые предложили ему мѣсто на желѣзной дорогѣ въ этомъ городишкѣ. Онъ подумалъ съ женою: жить дешево, можно отдохнуть. И переѣхалъ. Переѣхалъ—и вотъ четвертый годъ, какъ онъ здѣсь бьется и не видитъ выхода. Переселиться въ Петербургъ—для этого надо на малый конецъ 60 рублей сразу. Откуда достать столько? И они голодаютъ здѣсь.

Чаровъ тяжело вздохнулъ, опустилъ голову и замолчалъ.

У Марьи Павловны глаза были полны слезъ, Яковъ Петровичъ нервно крутилъ бороду.

— Не робѣйте,—произнесъ онъ наконецъ ободряюще:—мы васъ выручимъ. 60 рублей пустыя деньги. Соберемъ ихъ и вы переѣдете. А тамъ, въ Питерѣ, я вамъ переписку найду, въ клубахъ на сценѣ играть будете и поправитесь.

И при этихъ словахъ всѣ повеселѣли. Марья Павловна благодарно взглянула на мужа и оживленно заговорила:

— Ваша Авдотья Федоровна рукодѣльница. Я ей живо работу найду. У насъ много знакомыхъ: устрою лотерею, дѣтишекъ вашихъ обрядимъ. Все хорошо будетъ!

Чаровъ радостно улыбался и, ободренный, заговорилъ увѣреннымъ тономъ:

— Мнѣ бы только переѣхать! Чаровъ! Слава Богу, Чарова еще не забыли. Схожу къ Марьѣ Гавриловнѣ, къ Модесту Ивановичу; вспомнятъ, помогутъ. При желаніи работать тамъ каждый вечеръ занятъ будешь; а что ни спектакль—5 рублей разовыхъ. Только бы переѣхать!

— Перевеземъ!—повторилъ съ убѣжденіемъ Яковъ Петровичъ.